

ли требовать с меня «расписку».

- Какую вам расписку? - спросил я.

- А вот, напишите нам бумагу: «Я, мол, нижеподписавшийся, сим свидетельствую, что утонул по воле божьей, а не по вине крестьянской», - и дайте нам эту расписку.

- Отлично - на другом берегу!

Все повеселели и решили, что шествие будет открывать молодой парень (его я выбрал за смелый и смысленный взгляд), пробуя прочность льда пешней. Вторым пойду я с сумкой с бумагами через плечо, и нас обоих будут держать на длинных вожжах идущие в некотором отдалении крестьяне. Один из них понесет охапку соломы, чтобы бросить на лед, если он окажется не крепким.

Так и сделали, и только в одном месте пришлось подстилать солому для вящей безопасности.

Наконец я добрался до Москвы, где брат встретил меня на вокзале, и мы тотчас же вместе поехали в Петербург.

Молодость - великое дело. После этого ужасного путешествия, продолжавшегося непрерывно двадцать четыре дня и ночи, я прибыл рано утром в Петербург, сдал в тот же день бумаги и не преминул навестить одну из теток или, точнее, кузин. Она сияла.

- Сегодня у нас танцуют. Придешь ли ты? - спросила она.

- Конечно, - был мой ответ.

И не только пришел, но танцевал еще до раннего утра.

Побывавши в Петербурге у властей, я понял, почему именно меня послали с докладом. Сначала никто не хотел верить крушению барж.

- Вы сами были на месте? Видели ли вы обломки вашими собственными глазами? Уверены ли вы вполне в том, что они не украли просто груз и не показали вам для отвода глаз обломки нескольких барж? - Вот на какие вопросы я должен был все время отвечать.

Высшие сановники, заведовавшие в Петербурге сибирскими делами, были восхитительны в своем полном неведении края.

- Mais, mon cher, - сказал мне один из них, Бутков (он всегда говорил со мной, мешая русский с французским), - возможно ли, чтобы, например, на Неве погибли сорок барж и чтобы никто не поспешил спасти их?

- Нева! - воскликнул я, - представьте себе три, четыре Невы рядом, и вы получите Амур в низовьях.

- Неужели он так широк? - Через две минуты мой штатский генерал на отменном французском языке болтал о разных разностях.

- Когда вы в последний раз видели художника Шварца? Не правда ли, его «Иван Грозный» - удивительная картина? Знаете ли вы, почему они хотели арестовать Кукеля? - И он сообщил мне о перехваченном письме, в котором Кукеля просили оказать содействие польскому восстанию. - А знаете, что Чернышевский арестован? Он теперь сидит в крепости.

- За что? Что он сделал? - спросил я.

- Ничего особенного! Но знаете, mon cher, государственные соображения!.. Такой талантливый человек, удивительно талантливый! Притом такое влияние на молодежь. Вы понимаете, конечно, правительство не может терпеть этого. Решительно не может! Intolerable, mon cher, dans un Etat bien ordonne¹³.

Граф Н. П. Игнатьев не задавал много вопросов: он очень хорошо знал Амур и знал также Петербург. Среди шуток и острот по поводу Сибири, которые сыпались у него с удивительной быстротой, Игнатьев заметил:

- Как это хорошо вышло, что вы были на месте и видели крушение. Они устроили это очень ловко, пославши вас. Умно сделано. Сперва никто не хотел верить крушению барж, думали, что новое мошенничество. Но вы хорошо известны здесь как паж и недолго пробыли в Сибири, так что не стали бы выгораживать их плутовства. Вам здесь доверяют.

Единственный человек в Петербурге, отнесшийся вполне серьезно к делу, был военный министр Милютин. Он задал мне ряд вопросов, которые все шли к делу, и сразу понял всю суть. Весь наш разговор шел короткими фразами - без излишней торопливости, но и без лишних слов.

- Вы думаете, что на низовья Амура лучше всего доставлять провиант морем, а на остальные части - через Читу? Очень хорошо. Ну, а если и в будущем году случится буря, не погибнет ли опять весь сплав?

- Едва ли, если сплав будут сопровождать два буксирных парохода.